

Пэн Дун наткнулся на холодный прием, чувствуя себя совершенно невинно. Однако благодаря тому, что он высказал то, что другие не решались сказать, Бай Чжэнъян расслабился.

— Именно по этому поводу я хочу извиниться перед тобой.

Ань Фан усмехнулся:

— Я уже почти забыл об этом.

Ань Фан не стал показывать своего превосходства, и Бай Чжэнъян, взглянув на него, сказал:

— И Хуай, этот старый дуб, наконец-то зацвел прекрасным цветком.

Услышав это описание, Ань Фан не сдержался и рассмеялся.

Ожидая, что их поведут в какой-то изысканный ресторан, они оказались в небольшом частном заведении с приятной атмосферой. Перед тем как выйти из машины, Бай Чжэнъян успокоил:

— Не переживай, здесь никто не будет снимать. Это место хоть и небольшое, но с отличной приватностью.

Ань Фана не особо волновала возможность быть замеченным. В конце концов, кто не ходит куда-то поесть? Звезды тоже люди, им нужно есть, пить и справлять естественные нужды. К тому же здесь был младший директор агентства «Фэнтин», так что беспокоиться о том, что папарацци не проявят должной осмотрительности, не стоило.

Они заняли среднюю комнату, и, судя по всему, Пэн Дун часто бывал здесь. Как только они вошли, он уверенно взял меню и начал заказывать. Бай Чжэнъян и Ань Фан были в некотором роде из одного круга, поэтому у них нашлись темы для разговора, и вскоре они заговорили о сериале «Утренняя звезда».

Премьера «Утренней звезды» была назначена на эту пятницу, и она должна была выйти на южном телеканале.

Бай Чжэнъян четко понимал ситуацию:

— Уже выпустили три трейлера, и я заметил, что данные очень хорошие. Во всяком случае, среди сериалов, в которые мы вложили средства, в последнее время ничего лучше не было.

В конце концов, это был проект с большими вложениями. Ань Фан улыбнулся:

— Пока не выйдет, никто не может знать, как все обернется.

Бай Чжэнъян равнодушно пожал плечами и поднял три пальца. Ань Фан не понял его намека и поднял бровь.

— Как минимум, в три раза. После выхода «Утренней звезды» твоя стоимость возрастет как минимум на эту цифру.

Пэн Дун, слушая это, причмокнул и спросил:

— Ань Фан, а сколько ты сейчас получаешь за серию?

— Около трехсот тысяч, — честно ответил Ань Фан.

Пэн Дун фыркнул, хлопнул себя по бедру и с восторгом посмотрел на Бай Чжэнъяна:

— Эй, Бай, может, ты возьмешься за меня? Черт, я за месяц еле выживаю, зарабатывая чуть больше тридцати тысяч, а тут за одну серию — триста-четырееста тысяч. Деньги текут рекой!

— Умоляю, иди и умри, хорошо? — с раздражением бросил Бай Чжэнъян.

Пэн Дун не обиделся, а наоборот, рассмеялся:

— Дорогой, если я умру, ты же останешься вдовцом.

Видимо, армейская жизнь сделала Пэн Дуна более прямолинейным, и он говорил без стеснения. Бай Чжэнъян, более сдержанный, покраснел:

— Ты слишком много болтаешь!

— Ты можешь заткнуть его чем-нибудь, — холодно вставил голос.

Ань Фан, который до этого смотрел на них с усмешкой, обернулся и увидел И Хуая.

— Ты как тут оказался?

Следовавший за И Хуаем режиссер Мэн сказал:

— Бай утащил тебя на ужин, а И Хуай остался один. Это не совсем справедливо.

Режиссер Мэн, поглаживая подбородок, уже не был таким серьезным, как на съемочной площадке, и с удивлением смотрел на И Хуая и Ань Фана:

— Я действительно не ожидал, что вы дойдете до этого. Это настоящая диковинка.

Пэн Дун громко рассмеялся:

— Старик Мэн, лучше сядь рядом со мной. Разве ты не видишь, как И Хуай смотрит на тебя, словно хочет убить?

— Сначала был «Убить Билла», а теперь будет «Убить Мэна». Неплохо, неплохо.

Все рассмеялись.

Они были старыми друзьями И Хуая и разговаривали без особых церемоний.

И Хуай сел рядом с Ань Фаном, и на нем все еще чувствовался холод с улицы. После Нового года температура, казалось, все больше падала. Ань Фан засунул руку в карман И Хуая, и тот, повернувшись к нему, тоже положил туда свою руку. Ань Фан улыбнулся, его рука действительно была теплее.

Пока они наслаждались моментом, Пэн Дун, видимо, снова успел разозлить Бай Чжэнъяна. Тот, вытирая руки полотенцем, внезапно изменился в лице и швырнул полотенце в Пэн Дуна. Тот не обиделся, а только засмеялся и начал его успокаивать.

Режиссер Мэн сидел посередине, слева от него была одна пара, справа — другая. Он чувствовал себя как на иголках и, в конце концов, ударил по столу и крикнул:

— Черт, вы позвали меня поужинать, так давайте ужинать! А вы тут устроили любовные игры, я это терпеть не могу!

Четверо немного успокоились, и режиссер Мэн, сдерживая слезы, начал есть. Как только еда была подана, он набросился на нее с таким аппетитом, что к тому времени, как И Хуай и остальные доели половину, он уже закончил и ушел, оставив им лишь удаляющуюся спину.

Еда в этом заведении была действительно хороша, но немного острой. Ань Фан, съев половину, уже был весь в поту и снял куртку. После ужина он не чувствовал холода, но И Хуай все же взял его куртку.

Когда они вышли, на улице уже стемнело. Ань Фан съел много и чувствовал тяжесть в животе, поэтому начал его массировать. И Хуай, оплатив счет, решил оставить машину на месте, и они пошли прогуляться.

Прошло некоторое время, но Ань Фан все еще не мог оправиться от острой еды. Его губы были ярко-красными, и он потихоньку вдыхал холодный воздух.

И Хуай достал из кармана конфету. С тех пор как у него появился сладкоежка-любовник, в его карманах всегда были конфеты разных вкусов. Сейчас это было как раз кстати, чтобы смягчить остроту.

Ань Фан опустил шарф, положил конфету в рот и снова натянул маску. На нем была кепка, и в таком виде его никто не узнал. Вокруг было много людей, все были тепло одеты, и Ань Фан не выделялся в толпе.

И Хуай, по просьбе Ань Фана, тоже надел похожий шарф. Хотя его знали немногие, его привлекательная внешность могла привлечь внимание, особенно с учетом того, сколько любителей уличной съемки сейчас вокруг.

Ресторан находился в маленьком переулке в центре города. Выйдя из него, они увидели оживленный мегаполис. Над всем возвышался небоскреб «Облако», символ города Б. Все огни на этом высоком здании горели, и даже в ночи оно выглядело ослепительно.

Слева был мост через реку, а вокруг стояло множество торговых центров. Два самых впечатляющих здания стояли напротив друг друга — это были универмаг «Цютянь», принадлежащий корпорации И, и «Аньхэтан», принадлежащий корпорации Шао. На левой стороне здания «Цютянь» висел портрет Ань Фана. Мужчина на фотографии был настолько красив, что казался почти нереальным в свете огней.

Они шли без цели, плечом к плечу, и их шаги, сначала неровные, постепенно синхронизировались. Вокруг было много людей, и никто не обращал внимания на других. Они говорили о чем-то незначительном.

Неожиданно они оказались у входа в университет. Множество студентов выходили из величественных ворот, а некоторые, наоборот, входили. Они шли, держась за руки, и смеялись. Проходя мимо Ань Фана, одна девушка сказала:

— Вчера я снова пересмотрела «Сянмэн». Боже, я просто обожаю Мэн Сюаньлана. Ань Фан с его актерским мастерством и такой внешностью просто не может не стать звездой.

Другая девушка, державшая ее за руку, с энтузиазмом согласилась:

— Да, да, жаль, что мы можем видеть его только по телевизору. Когда же мне повезет встретить его вживую?

И Хуай поднял бровь, и в его глазах мелькнула улыбка. Он посмотрел на Ань Фана, который тоже едва сдерживал смех.

Он собирался исполнить желание девушки и дать ей шанс встретить его вживую. Ань Фан повернул голову, опустил шарф, закрывавший половину его лица, и с улыбкой посмотрел на девушку. Его низкий, бархатный голос уже готов был сорваться с губ, но его взгляд внезапно остановился на чем-то позади нее.

Молодой человек в белой пуховике сидел под деревом и мягко разговаривал с маленькой девочкой лет четырех-пяти. В паузе между словами он поднял голову, и его лицо, освещенное уличным фонарем, совпало с тем образом, который давно запечатлелся в памяти Ань Фана.

И Хуай ждал, когда Ань Фан окликнет девушку, но заметил, что его взгляд застыл на чем-то. В глазах Ань Фана, обычно полных улыбок, появилась паника. Он сделал шаг вперед, забыв, что И Хуай рядом с ним, и быстро направился к дереву, его шаги были поспешными.

<http://bllate.org/book/16314/1472601>